
Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ГОУ ВПО МГППУ, руководитель лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (safuanovf@rambler.ru)

Докучаева Н.В., выпускница кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (natalya.dokuchaeva@gmail.com)

Статья посвящена изучению особенностей личности жертв противоправных посягательств в Интернете. Использовались методы: 16-факторный личностный опросник Кэттелла, тест-опросник «Уровень субъективного контроля», опросник «Индекс жизненного стиля», опросник Басса-Перри, шкала тревожности Спилбергера, опросник СОРЕ. Исследовано 78 Интернет-пользователей, разделенных на две группы по 38 человек: основная – люди, против которых совершались противоправные посягательства в Интернете, контрольная – против которых таких посягательств не совершалось. Выявлен специфический симптомокомплекс индивидуально-психологических особенностей жертв противоправных посягательств в Интернете. Показано, что жертвы «ненасильственных» и «насильственных» правонарушений отличаются уровнем ситуативной и личностной тревожности, агрессивности и локуса контроля.

Ключевые слова: виктимность, жертвы Интернет-посягательств, киберпреступления.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В. Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5).№ 4. С.80-93.
doi: 10.17759/psylaw.2015050407

For citation:

Safuanov F.S., Dokuchaeva N.V. Personality characteristics of victims of illegal attacks on the Internet. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015(5), no. 4. pp. 80-93.

doi: 10.17759/psylaw.2015050407

Введение

Бурное развитие компьютерных технологий и все большее их внедрение во все сферы жизни способствует росту киберпреступлений, а недостаточная разработанность действующего уголовного законодательства РФ приводит к высокому показателю латентности (более 90%) данных видов преступлений [3, с. 109–112].

В России уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации регламентирована главой 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», в которую входят только три статьи: ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ», ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей» [5]. Для сравнения, законодательство Франции содержит около 20 статей.

На X Конгрессе ООН по проблемам киберпреступлений были даны два определения данного правонарушения [13, с. 17]: в узком смысле оно понимается как преступление, в котором компьютерная система или сеть является *целью*, а в широком – не только целью, но и *средством* или *орудием*.

Т.Л. Тропина [4] определяет киберпреступление как «виновно совершенное общественно опасное уголовно наказуемое вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей, несанкционированная модификация компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные деяния, совершенные с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей, программ и иных устройств доступа к моделируемому информационному пространству».

Д.Л. Шиндер разделяет киберпреступления на две большие категории: 1) насильственные или иные потенциально опасные, 2) ненасильственные преступления [13, с. 15, 19–33].

К насильственным и иным потенциально опасным преступлениям относятся те, которые несут физическую угрозу человеку или группе. В эту категорию входят:

- кибертерроризм – т. е. терроризм, не только спланированный, но и совершенный в Интернет-пространстве;
- угроза физической расправы – держание людей в постоянном страхе за собственную жизнь и безопасность близких людей, осуществляемое в Интернет-сети (например, при помощи электронной почты);
- киберпреследование – сетевое преследование, сопряженное с физическими угрозами, и иногда перетекающее в преследование в реальной жизни;
- детская порнография – создание, распространение и получение доступа к порнографическим электронным материалам.

К ненасильственным киберпреступлениям, по мнению Д.Л. Шиндер, относятся:

- противоправное нарушение владения в киберпространстве – неправомерный доступ к личной информации физических и юридических лиц;
- киберворовство – возможность украсть на расстоянии. К этому пункту автор относит: растрату, присвоение и незаконное ассигнование денежных средств или

имущества, промышленный шпионаж, плагиат, пиратство, хищение или изменение персональных данных;

- кибермошенничество – получение материальных благ путем обмана и ввода в заблуждение;
- разрушение – т. е. повреждение данных, включающее: взлом и удаление данных, серверов, Web-страниц; внедрение вредоносного программного обеспечения, осуществление DoS-атак;
- другие киберпреступления – реклама секс-услуг, азартные игры, отмывание денег, распространение наркотиков, контрабанда товаров и пр.

Исследований проблемы киберпреступлений и их жертв на сегодняшний день еще немного, при этом она поднимается в основном в зарубежных работах. В них выявлены некоторые особенности личности и способы поведения потерпевших в стрессовой ситуации.

В исследованиях Т. Arıcak с соавт. [7], R. Slonjeand, P.K. Smith [14], E. Sticca с соавт. [17] было обнаружено, что в случае киберпреследования обращается за поддержкой к родителям или друзьям небольшое количество молодежи. J.W. Patchin, S. Hinduja [12]; F. Dehue, C. Bolmanand T. Vollink [8] показали, что около 25% жертв игнорируют киберпреследование.

R.S. Tokunaga [18] в теоретическом обзоре современных исследований по киберпреследованиям предположил, что игнорирование может быть очень эффективной стратегией совладающего поведения при разовом посягательстве, но при увеличении частоты эпизодов более эффективной стратегией являются активные действия.

В исследовании R. Ortega с соавт. [11], проведенном среди испанских подростков, обнаружено, что наиболее распространенной эмоциональной реакцией жертв является гнев, а психологическими последствиями киберзапугивания – стресс, депрессия и чувство одиночества. Аналогичные результаты были получены на финской [15], австралийской [16], южнокорейской [10], североамериканской [9] выборках.

В работе D.C. Campfield [6] было показано, что жертвы киберпреследования испытывают эмоционально-поведенческие проблемы. Большая часть испытуемых характеризуются повышенной агрессивностью, высокой тревожностью и заниженной самооценкой.

Результаты российских исследований имеют схожие показатели. В работе С.А. Зинцовой [1] выявлено, что подростки, ставшие жертвами кибербуллинга, отличаются высоким уровнем тревожности; высоким уровнем фрустрации, сопровождающейся негативными эмоциями; высоким и средним уровнем ригидности, влияющей на адаптацию учеников.

Л.А. Киселевой [2] были выделены два основных типа виктимного поведения, присущего жертвам Интернет-мошенничества. Первым типом является активное поведение, провоцирующее преступление своими действиями – просьбой или обращением. Вторым – агрессивное поведение, провоцирующее преступное действие оскорблениями, клеветой, издевательством и т. п.

Цель работы

Исследование особенностей личности жертв противоправных посягательств в Интернете.

Гипотеза

Жертвы противоправных посягательств в Интернете обладают специфическим личностным симптомокомплексом.

1. Жертвы противоправных посягательств в Интернете обладают личностными особенностями, проявляющимися в виде повышенной тревожности, сочетающейся с внутренней напряженностью и высокой агрессивностью.

2. Жертвы противоправных посягательств в Интернете в стрессовых ситуациях не вытесняют свои переживания, а фокусируются на них и ищут поддержку у близких людей.

Выборка

В исследовании приняли участие 76 пользователей социальной сети «ВКонтакте» в возрасте от 18 до 32 лет. Основная группа (38 человек, 17 мужчин и 21 женщина, возраст $21,7 \pm 3,9$) – люди, против которых совершались противоправные посягательства в Интернете; контрольная группа (38 человек, 18 мужчин и 20 женщин, возраст $21,4 \pm 3,7$) – против которых таких посягательств не совершалось.

Методы исследования

- 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кэттелла (форма С),
- тест-опросник «Уровень субъективного контроля» (В.Ф.Бажин, Е.А.Голынкина, А.М.Эткинд),
- опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика (в адаптации Л.И. Вассермана, О.Ф. Ерышева, Е.Б. Клубовой и др.),
- опросник уровня агрессивности Басса-Перри (в адаптации С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского и др.),
- Шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина),
- опросник копинг-стратегий COPE (в адаптации П.А. Иванова, Н.Г. Гаранян).

Факт совершения противоправных посягательств выяснялся по специально разработанной анкете

Результаты и обсуждение

Этап 1

В результате опроса с помощью анкеты было выявлено, что 19 пользователей были жертвами противоправных посягательств, как в реальном, так и в виртуальном мире, 16 пользователей стали жертвами противоправных посягательств только в реальном мире. Приблизительно одинаковое распределение жертв традиционных преступлений между группами позволяет исключить влияние их особенностей на общие результаты.

Опрос позволил также определить, в результате каких противоправных действий пользователи стали жертвами (табл.1).

Таблица 1

Частота встречаемости видов противоправных посягательств

Виды противоправных посягательств	Частота
Киберпреследование, кибербуллинг	10
Угрозы физической расправы	6
Кибермошенничество	17
Взлом паролей, удаление, хищение или распространение личных данных с почты или из социальных сетей	27
Вымогательство	4
Оскорбление	12

Для выявления личностных особенностей жертв было проведено сравнение исследовательской и контрольной групп с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни для двух несвязанных выборок. В результате обнаружены значимые различия по нескольким параметрам: в «16-факторный личностном опроснике» по шкалам «тревожность/спокойствие» и «внутренняя напряженность/расслабленность» и в опроснике «Уровень агрессивности Басса-Перри» по шкале «гнев» (табл. 2).

Таблица 2

Характеристики по шкалам «тревожность», «внутренняя напряженность» и «гнев»

Шкалы	Контрольная группа (n=38)		Исследовательская группа (n=38)		Критерий Манна-Уитни
	М	SD	М	SD	
Тревожность/спокойствие	6,3	2,4	7,6	2,4	502,0*
Внутренняя напряженность/расслабленность	4,6	1,7	5,7	2,1	510,0*
Гнев	19,5	7,0	22,5	6,1	544,0*

Примечание: «*» – различия между группами статистически достоверны ($p < 0,05$); М – среднее отклонение; SD – стандартное отклонение.

Сравнительный анализ копинг-поведения и защитных механизмов позволил выявить значимые различия по таким формам копинг-стратегий, как «использование эмоциональной социальной поддержки», «фокусировка на эмоциях и их вентилирование», «самоограничение», и защитных механизмов в виде «вытеснения» и «проекции» (табл. 3).

Таблица 3

Характеристики копинг-стратегий и защитных механизмов

Шкалы	Контрольная группа (n=38)		Исследовательская группа (n=38)		Критерий Манна-Уитни
	М	SD	М	SD	
Использование эмоциональной социальной поддержки	6,7	3,3	7,6	2,9	508,0*
Фокусировка на эмоциях и их вентилирование	3,0	2,9	6,5	4,9	501,5*
Самоограничение	4,6	1,7	5,7	2,1	510,0*
Вытеснение	4,9	2,7	3,7	1,9	920,5*
Проекция	7,2	3,3	8,7	2,7	531,5*

Примечание: «*» – различия между группами статистически достоверны ($p < 0,05$); М – среднее; SD – стандартное отклонение.

Сравнительный анализ показывает, что жертвам противоправных посягательств в Интернете свойственны склонность к самоупрекам, неуверенность, замкнутость, принижение своих способностей. Высокие показатели по шкале «внутренняя напряженность/расслабленность» свидетельствуют о том, что жертвам киберправонарушений свойственны напряженность, неудовлетворенность в стремлениях, неусидчивость, усталость, пониженное настроение, раздражительность и эмоциональная неустойчивость.

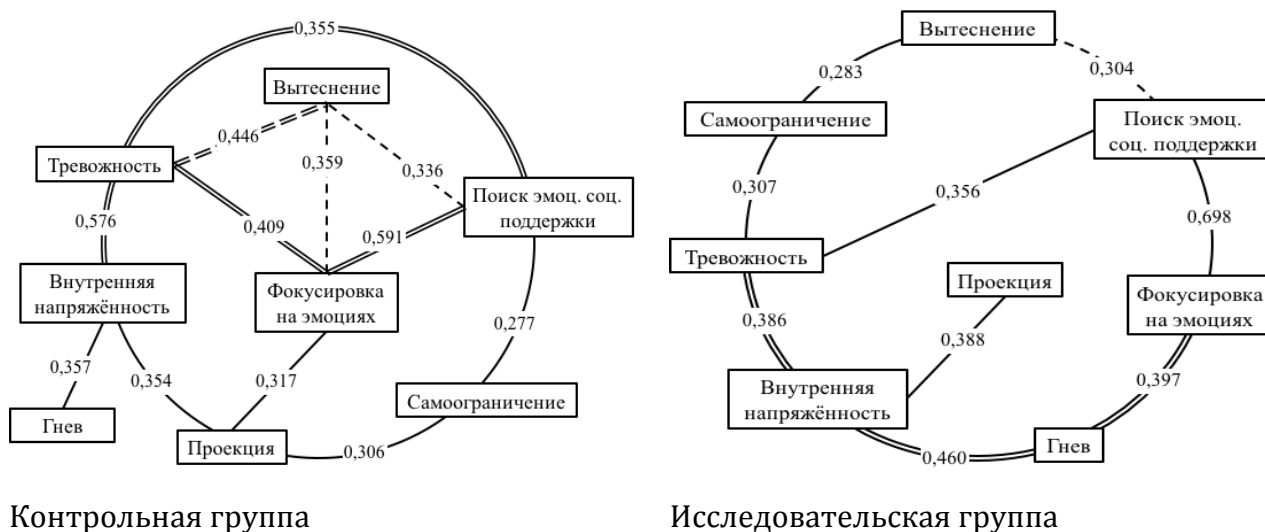
Для испытуемых контрольной группы характерен широкий диапазон индивидуально-психологических особенностей: от доверчивости, безмятежности, спокойного настроения, расслабленности, уравновешенности до тревожности, обеспокоенности, замкнутости, возбудимости и напряженности.

По показателю эмоционального компонента агрессии выявлено, что испытуемым контрольной группы свойственно реже проявлять свои негативные чувства, в отличие от основной группы, в которой испытуемые чаще раздражаются при малейшем поводе.

В стрессовых ситуациях испытуемые в контрольной группе значимо редко фокусируются на своих эмоциях и переживаниях, и самоограничивают себя. Испытуемые исследовательской группы, наоборот, достоверно чаще пользуются такими копинг-стратегиями, как «фокусировка на эмоциях и их вентилирование», «поиск эмоциональной социальной поддержки» и «самоограничение». Иными словами, в стрессовых ситуациях жертвы противоправных посягательств чаще ищут утешение, сопереживание и понимание у окружающих, или, осознавая свои негативные эмоции, фокусируются на них и воздерживаются от активных действий.

В тяжелых психотравмирующих ситуациях контрольная группа может проецировать или вытеснять свои желания, мысли и чувства. В основной группе испытуемые гораздо реже вытесняют неприемлемые чувства, мысли, переживания, но достаточно часто приписывают их другим людям.

Для анализа внутригруппового взаимодействия выявленных различий использовался метод корреляционных плеяд (рис. 1).

Положительные корреляции Отрицательные корреляции
 ————— p < 0,05 - - - - - p < 0,05
 = = = = = p < 0,01 = = = = = p < 0,01

Рис. 1. Корреляционная плеяда значимых различий в группах:

p – уровень значимости

При корреляционном анализе у жертв противоправных посягательств в Интернете обнаруживаются прямые связи между личностной тревожностью, напряженностью и гневом, т. е. они могут характеризоваться как беспокойные, неуверенные в себе, подверженные настроению, неусидчивые, с неустойчивым настроением и гневливостью. В стрессовых ситуациях фокусируются на гнев и для того, чтобы снять эмоциональное напряжение ищут понимание, сопереживание в социальной среде. Также в связи с повышенной личностной тревожностью и внутренней напряженностью жертвы в тяжелых жизненных ситуациях могут осознано самоограничивать себя, воздерживаться от активных попыток совладать со стрессом или предписывать другим людям бессознательно неприемлемые для личности переживания, чувства. Обратная зависимость между защитным механизмом «вытеснение» и копинг-стратегией «поиск эмоциональной социальной поддержки» свидетельствует о том, что желания, чувства, переживания, повышающие тревогу, у них не вытесняются, а переживаются с помощью социальной поддержки.

Результаты свидетельствуют о том, что у испытуемых основной группы присутствует специфический симптомокомплекс, в который входят определенные черты личности и способы совладания в психотравмирующих ситуациях.

Этап 2

Дальнейшее исследование с помощью кластерного анализа позволило разделить группу жертв противоправных посягательств в Интернете на две подгруппы.

В первую подгруппу вошли 23 испытуемых (13 женщин и 10 мужчин), во вторую – 15 испытуемых (8 женщин и 7 мужчин). Средний возраст в первой и второй подгруппах равен 21,5 году.

В каждой подгруппе была подсчитана частота встречаемости того или иного противоправного посягательства, совершенного в Интернете (табл. 4).

Таблица 4

Частота встречаемости видов противоправных посягательств в Интернете в подгруппах

Виды противоправных посягательств в Интернете	Частота встречаемости	
	1-ая подгруппа (n=23), ед.	2-ая подгруппа (n=15), ед.
Киберпреследование, кибербуллинг	1	9
Угрозы физической расправы	1	5
Кибермошенничество	10	7
Взлом аккаунтов, удаление, хищение или распространение личных данных с почты или из социальных сетей	17	10
Вымогательство	2	2
Оскорбление	5	7
<i>Итого:</i>	<i>36</i>	<i>40</i>
<i>Критерий χ^2 Пирсона</i>	<i>8,21**</i>	

Примечание: «**» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,01$).

При расчете на количество испытуемых в подгруппе обнаруживается, что в первой подгруппе на одного человека в среднем приходится одно-два противоправных посягательства, а во второй подгруппе – два-три. Различаются и виды противоправных посягательств: в первой подгруппе больше «ненасильственных» (кража информации, взлом аккаунтов, мошенничество), а во второй – «насильственных» (преследование, угрозы, буллинг, вымогательство, оскорбление) киберпреступлений.

При сравнении показателей с помощью критерия U Манна-Уитни обнаружены значимые различия по методикам «Уровень субъективного контроля», «Уровень реактивной и личностной тревожности» и опроснику Басса-Перри.

При сравнении испытуемых в исследовательской группе по уровню субъективного контроля выявлены значимые различия во всех шкалах, кроме шкалы «интернальность в производственных отношениях» (табл. 5).

Таблица 5

Показатели по методике УСК в подгруппах

Шкалы опросника УСК	Подгруппа 1 (n=23)		Подгруппа 2 (n=15)		U-критерий Манна-Уитни
	М	SD	М	SD	
Общая интернальность	37,1	4,1	12,5	11,2	0,5***
Интернальность в области достижений	10,0	5,5	-0,07	6,3	38,0***
Интернальность в области неудач	9,4	5,5	0,3	4,1	26,0***
Интернальность в семейных отношениях	7,4	4,9	-3,3	5,7	23,0***
Интернальность в производственных отношениях	4,3	5,8	1,9	5,1	142,0
Интернальность в межличностных отношениях	5,4	3,2	0,7	3,2	49,0***
Интернальность в отношении здоровья и болезни	3,9	2,7	0,7	3,2	77,5**

Примечание: «***» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,001$); «**» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,01$); М – среднее; SD – стандартное отклонение.

Первая подгруппа отличается высокими показателями почти по всем шкалам, т. е. испытуемые относятся к интернальному типу, в отличие от второй подгруппы, в которой наблюдаются более низкие показатели, испытуемые относятся к экстернальному типу.

При сравнении подгрупп по уровню тревожности по методике Спилбергера-Ханина также наблюдаются значимые различия (табл. 6).

Таблица 6

Характеристик по ситуативной и личностной тревожности

Тревожность	1-ая подгруппа (n=23)		2-ая подгруппа (n=15)		U-критерий Манна-Уитни
	М	SD	М	SD	
Ситуативная тревожность	35,6	8,4	48,1	12,4	276,0***
Личностная тревожность	46,1	7,4	51,7	7,0	244,0*

Примечание: «***» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,001$);

«*» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,05$); М – среднее; SD – стандартное отклонение.

Вторая подгруппа отличается более высокой личностной и ситуативной тревожностью по сравнению с первой, которая менее тревожна.

Сравнение подгрупп по агрессивности показало значимые различия по следующим шкалам (табл. 7).

Таблица 7

Характеристики агрессии в подгруппах

Агрессия	1-ая подгруппа (n=23)		2-ая подгруппа (n=15)		U-критерий Манна-Уитни
	М	SD	М	SD	
Враждебность	19,7	5,7	7,1 ²	6,3	282,0***
Гнев	21,1	6,3	4,5 ²	5,3	245,0*
Физическая агрессия	21,9	6,8	7,4 ²	8,6	239,5*

Примечание: «***» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,001$);

«*» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,05$); М – среднее; SD – стандартное отклонение,

Вторая подгруппа оказалась более склонной к агрессивному поведению: все компоненты агрессии (инструментальный, агрессивный и аффективный) в ней явно выражены, тогда как в первой эти признаки выражены на среднем уровне.

Таким образом, жертвы «ненасильственного» типа киберпреступлений (первая подгруппа) менее тревожны, чем жертвы «насильственного» типа киберпреступлений (вторая подгруппа). Они относятся к интернальному типу, считают себя причиной происходящих с ними событий и отношений, сложившихся с другими людьми, чувствуют ответственность за свои достижения и неудачи, в то время как испытуемые второй подгруппы более экстернальны и причины всех событий своей жизни они в большей мере склонны приписывать другим людям или обстоятельствам. Средний уровень агрессии испытуемых первой подгруппы показывает тенденцию к переживанию чувства несправедливости, готовности к проявлению негативных чувств и некоторую склонность к использованию физической силы, у испытуемых же второй подгруппы выражена склонность к агрессии во всех ее компонентах.

Выводы

1. Жертвы противоправных посягательств в Интернете имеют специфический симптомокомплекс индивидуально-психологических особенностей, включающий беспокойство, неуверенность в себе, подверженность настроению, неусидчивость, неустойчивость настроения, гневливость, и определенные способы совладания и психологические защиты в психотравмирующих ситуациях: поиск эмоциональной социальной поддержки, фокусировку на эмоциях, самоограничение и проекцию.

2. Внутри группы жертв противоправных посягательств в Интернете выделяются жертвы «ненасильственных» и «насильственных» преступлений, отличающиеся уровнем

ситуативной и личностной тревожности, агрессивности и характером локуса контроля. Жертвы «насильственных» противоправных посягательств в Интернете более агрессивны, тревожны и относятся к экстернальному типу, в отличие от группы жертв «ненасильственного» типа, которые имеют более низкие показатели по агрессивности, тревожности и относятся к интернальному типу.

Литература

1. *Зинцова А.С.* Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 3(35). С. 122–128.
2. *Киселева Л.А.* Типы виктимного поведения жертв информационных мошенников [Электронный ресурс] // Конференция «Психология XXI века: интеграция науки, образования, бизнеса»: тезисы. Ставрополь, 2014. URL: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/kiseleva_la.pdf (дата обращения: 23.03.2015).
3. *Старичков М.В.* Умышленные преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологическая характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2006. 173 с.
4. *Тропина Т.Л.* Понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: монография / отв. ред. А.А. Номоконов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 240 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, КноРус, 2012. 224 с.
6. *Campfield D.C.* Cyber Bullying and Victimization: Psychosocial Characteristics of Bullies, Victims, and Bully/Victims: presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Psychology, Clinical / D.C. Campfield. Missoula, 2008. 171 p.
7. Cyberbullying among Turkish adolescents. / T. Aricak, S. Siyahhan, A. Uzunhasanoglu, S. Saribeyoglu, S. Ciplak, N. Yilmaz, C. Memmedov // Cyberpsychology and Behavior. Belgium: University of Antwerp. 2009. Vol. 11(8) P. 1-23.
8. Cyberbullying among Turkish adolescents / T. Aricak, S. Siyahhan, A. Uzunhasanoglu, S. Saribeyoglu, S. Ciplak, N. Yilmaz, and C. Memmedov // Cyberpsychology and Behavior. Belgium: University of Antwerp. 2009. Vol. 11(8) P. 1–23.
9. *Juvonen J.* Extending the School Grounds? Bullying Experiences in Cyberspace / J. Juvonen, E. Gross // Journal of School Health. 2008. Vol. 78(9). P. 496–505.
10. *Kim Y.* School Bullying and Suicidal Risk among Korean Middle School Students / Y. Kim, Y. Koh, B. Leventhal // Pediatrics: The Official Journal of the American Academy of Pediatrics. 2005. Vol. 115(2). P. 357–363.

11. *Ortega R.* The emotional impact on victims of traditional bullying and cyberbullying a study of Spanish adolescents / R. Ortega, P. Elipe, J. Mora-Merchan, J. Calmaestra, E. Vega // *Journal of Psychology*. 2009. Vol. 217(4). P. 197–204.
12. *Patchin J.W.* Bullies move beyond the schoolyard: A preliminary look at cyberbullying / J.W. Patchin, S. Hinduja // *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2006. Vol. 4. P. 148–169.
13. *Shinder D.L.* Scene of the Cybercrime: Computer Forensics Handbook / D.L. Shinder; Ed Tittel (Editor). Rockland, MA: Syngress Publishing, 2002. 718 с.
14. *Slonje R.* Cyberbullying: Another main type of bullying? / Slonje R., Smith P.K. // *Scandinavian Journal of Psychology*. New Cross:Goldsmiths College. 2008. Vol. 49. P. 147–154.
15. *Sourander A.* Psychosocial Risk Factors Associated With Cyberbullying Among Adolescents / A. Sourander, A. Klomek, M. Ikonen, J. Lindroos, T. Luntamo, M. Koskelainen, T. Ristkari, J. Helenius // *ARCH General Psychiatry American Medical Association*. 2010. Vol. 67(7). P. 720–728.
16. *Spear B.* Behind the Scenes and Screens Insight Into the Human Dimension of Covert and Cyberbullying / B. Spear, P. Slee, L. Owens, B. Johnson // *Journal of Psychology*. 2009. Vol. 217(4). P. 189–196.
17. *Sticca E.* Longitudinal risk factors for cyberbullying in adolescence / E. Sticca, S. Ruggieri, E.D. Alsaker, S. Perren // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2013. Vol. 23. P. 52–67.
18. *Tokunaga R.S.* Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization // *Computers in Human Behavior*. 2010. Vol. 26. P. 277–287.

Personality characteristics of victims of illegal attacks on the Internet

Safuanov F.S., *Dr.Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)*

Dokuchaev N. V., *graduate, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (natalya.dokuchaeva@gmail.com)*

The article examines the personality characteristics of victims of illegal attacks on the Internet. We used methods as follow: 16 factors Cattell personality questionnaire, subjective control level, life-style index, Buss-Perry questionnaire, Spielberger State-Trait Anxiety Inventory, a COPE inventory. 78 internet users were divided into two groups of 38 persons: the main group included people falling victim to illegal attacks on the Internet, the control group participants were not attacked on the internet. We identified specific aggregated symptoms of individual psychological characteristics of internet attack victims and show that victims of "non-forced" and "forced" offenses have different levels of situational and personal anxiety, aggression and locus of control.

Keywords: victimity, victims of attacks on the Internet, cybercrime.

References

1. *Zincova A.S.* Social'naja profilaktika kiberbullinga // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki. 2014. № 3(35). S. 122–128.
2. *Kiseleva L.A.* Tipy viktimnogo povedenija zhertv informacionnyh moshennikov [Jelektronnyj resurs] // Konferencija «Psihologija XXI veka: integracija nauki, obrazovanija, biznesa»: tezisy. Stavropol', 2014. URL: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/kiseleva_la.pdf (data obrashhenija: 23.03.2015).
3. *Starichkov M.V.* Umyshlennye prestuplenija v sfere komp'juternoj informacii: ugovovno-pravovaja i kriminologicheskaja harakteristiki: dis. ... kand. jurid. nauk. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet jekonomiki i prava, 2006. 173 c.
4. *Tropina T.L.* Ponjatie, sostojanie, ugovovno-pravovye mery bor'by: monografija / otv. red. A.A. Nomokonov. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2009. 240 c.
5. Ugovovnyj kodeks Rossijskoj Federacii. – M.: Prospekt, KnoRus, 2012. 224 s.
6. *Campfield D.C.* Cyber Bullying and Victimization: Psychosocial Characteristics of Bullies, Victims, and Bully/Victims: presented in partial fulfillment of the requirements for the

- degree of Doctor of Philosophy in Psychology, Clinical / D.C. Campfield. Missoula, 2008. 171 p.
7. Cyberbullying among Turkish adolescents. / T. Aricak, S. Siyahhan, A. Uzunhasanoglu, S. Saribeyoglu, S. Ciplak, N. Yilmaz, C. Memmedov // *Cyberpsychology and Behavior*. Belgium: University of Antwerp. 2009. Vol. 11(8) P. 1-23.
 8. Cyberbullying among Turkish adolescents / T. Aricak, S. Siyahhan, A. Uzunhasanoglu, S. Saribeyoglu, S. Ciplak, N. Yilmaz, and C. Memmedov // *Cyberpsychology and Behavior*. Belgium: University of Antwerp. 2009. Vol. 11(8) P. 1-23.
 9. *Juvonen J.* Extending the School Grounds? Bullying Experiences in Cyberspace / J. Juvonen, E. Gross // *Journal of School Health*. 2008. Vol. 78(9). P. 496-505.
 10. *Kim Y.* School Bullying and Suicidal Risk among Korean Middle School Students / Y. Kim, Y. Koh, B. Leventhal // *Pediatrics: The Official Journal of the American Academy of Pediatrics*. 2005. Vol. 115(2). P. 357-363.
 11. *Ortega R.* The emotional impact on victims of traditional bullying and cyberbullying a study of Spanish adolescents / R. Ortega, P. Elipe, J. Mora-Merchan, J. Calmaestra, E. Vega // *Journal of Psychology*. 2009. Vol. 217(4). P. 197-204.
 12. *Patchin J.W.* Bullies move beyond the schoolyard: A preliminary look at cyberbullying / J.W. Patchin, S. Hinduja // *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2006. Vol. 4. P. 148-169.
 13. *Shinder D.L.* Scene of the Cybercrime: Computer Forensics Handbook / D.L. Shinder; Ed Tittel (Editor). Rockland, MA: Syngress Publishing, 2002. 718 c.
 14. *Slonje R.* Cyberbullying: Another main type of bullying? / Slonje R., Smith P.K. // *Scandinavian Journal of Psychology*. New Cross:Goldsmiths College. 2008. Vol. 49. P. 147-154.
 15. *Sourander A.* Psychosocial Risk Factors Associated With Cyberbullying Among Adolescents / A. Sourander, A. Klomek, M. Ikonen, J. Lindroos, T. Luntamo, M. Koskelainen, T. Ristkari, J. Helenius // *ARCH General Psychiatry American Medical Association*. 2010. Vol. 67(7). P. 720-728.
 16. *Spear B.* Behind the Scenes and Screens Insight Into the Human Dimension of Covert and Cyberbullying / B. Spear, P. Slee, L. Owens, B. Johnson // *Journal of Psychology*. 2009. Vol. 217(4). P. 189-196.
 17. *Sticca E.* Longitudinal risk factors for cyberbullying in adolescence / E. Sticca, S. Ruggieri, E.D. Alsaker, S. Perren // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2013. Vol. 23. P. 52-67.
 18. *Tokunaga R.S.* Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization // *Computers in Human Behavior*. 2010. Vol. 26. P. 277-287.